

—А в Ладушкине и Калининграде опять сборища - то 8-е марта, то День Парижской Коммуны - день рождения Лены Пивоваровой, жены Кочемировского, на которых все дебаты замыкались на Гострема и продолжались чуть ли не до утра вперемешку с игрой в карты после выпивки. В университете появились очередные новые лица - Гречишкин, Юсупов. Первый - сравнительно молодой доктор наук из Перми, специалист по квантовой радиофизике, кончавший в своё время аспирантуру НИФИ ЛГУ, и Кочемировские его знали ещё по Ленинграду, причём не с лучшей стороны: якобы, уезжая в Пермь, он упёр из НИФИ аппаратуру и вообще - прохиндей. Гречишкину требовалась своя кафедра, и он был конкурентом как Гострему, так и, особенно, Кочемировскому.

—Юсупов - наш ровесник, кандидат наук, тоже из Перми, работал у Гречишкина, но здесь его взял к себе на кафедру, точнее в ЛПФ, а ещё точнее - в НИС КГУ к себе на тему Гострем и подключил его к работам Саенко по созданию ИДК. Юсупов Кочемировским тоже не внушал доверия, но мне это казалось уже какой-то манией подозрительности. Нормальный парень. Мне, правда, ни с Гречишкиным, ни с Юсуповым самому пока сталкиваться не приходилось.

—А вот к Саенко моё отношение постепенно менялось к лучшему, хотя многое в нём по-прежнему раздражало. Удивил он меня как-то тем, что признался:

— Знаешь, а мне поручили за тобой наблюдать и, если что замечу - в органы докладывать.

— Кто поручил?

— А дядька какой-то приходил из КГБ, и Гострем при том был.

— Ну и что?

— Я обещал, что сообщу, если чего покажется подозрительным.

— Ничего себе. А что ж ты мне об этом говоришь?

— Мне кажется, я должен тебе это сказать.

— Ну, ты даёшь.

—И Кореньков мне признался, что, оказывается, Гострем послал его в командировку в Москву раздобыть последний отчёт Штуббе, но с непременным условием - не говорить об этом мне. В чём смысл этого финта - я так и не понял. Получить тайком от меня этот отчёт, а потом дразнить меня им? Это уже вообще маразм какой-то. Но ничего другого так и не удалось придумать. Разве что просто вбить хотя бы небольшой клинышек недоверия между мной и Кореньковым.

Наступила весна. Рыба двинулась на нерест в камыши, а за нею и мы туда полезли, на этот раз я с Пилюгиным, взял его знакомиться с местным способом ловли. Но на удочки у нас ничего не клевало. Зато мы наткнулись на чью-то сетку (дело было после ветреной погоды, и её явно прибило волнами откуда-то), полную плотвы, большей частью ещё живой. Этой плотвой мы и затарили свои садки, воровато озираясь, - а вдруг хозяин-браконьер объявится. Дома Сашуля и бабушка ахали, глядя на наш непривычно богатый улов, килограммов десять, а то и больше. В том, что это не на удочки поймано, мы так тогда и не сознались.

Но это было уже в мае, скорее всего, раз мы лазили по камышам в забродку, а в апреле Саня Шевчук приобщил меня к ловле щук спиннингом на канавах в пойме Прохладной, недалеко от Берлинки. Он обзавёлся мотоциклом - ИЖ-Юпитером-3 с коляской, и мы съезжались, каждый на своём транспорте - я на мотороллере из Ладушкина, он на мотоцикле из Калининграда, на тринадцатом километре Берлинки, откуда ещё с километр полями и - вот они, канавы - заброшенные торфяные карьеры, неглубокие (около метра глубиной), шириной в 10-20 метров и длиной в 30-100 метров, изобиловавшие щукой. Я в первый же раз поймал четыре штуки, некрупных, правда, от полкило до килограмма, зато одну с икрой, которую мы посолили, залили постным

маслом и уже на следующий день ели с превеликим удовольствием, исключая Сашулю, разумеется.

—Кстати, в те времена в "Дарах моря" торговали мороженой икрой нототении, которую все научились солить, вследствие чего, наверное, она вскоре и пропала, как, впрочем, и сама нототения, и тресковая икра, да и сама треска даже, не говоря уж о филе трески, которое одно время продавалось в симпатичных коробочках кусками удобных для нарезания, чтобы жарить, размеров...

—Ну, а главным событием весны 1974 года был юбилей Гострема, которому в мае исполнялось 60 лет. Запомнился не столько сам юбилей, сколько подготовка к нему, организованная Гостремом. В это время как раз готовился к печати в издательстве Калининградского университета сборник "Вопросы моделирования ионосферы", в котором предполагалось опубликовать доклады 2-го Всесоюзного семинара по моделированию ионосферы, проходившего осенью 1973 года в Калининграде. Гострем назначил себя ответственным редактором сборника (а выполняли всю работу по редактированию я и Глинкина - сотрудница издательского отдела) и стал набиваться в соавторы хотя бы одной статьи. Намекал он об этом своём желании всем авторам наших совместных докладов кроме меня - Латышеву, Захарову, Никитину, а те сообщали мне, что Гострем на них давит, и, как дети, спрашивали, что же им делать, как ему отвечать? Неудобно, мол, как-то отказывать, что говорить-то?

—А вы его ко мне отсылайте, говорите, что Намгаладзе не согласен. Пусть со мной поговорит, а уж я ему разъясню, как решаются вопросы соавторства.

—Но со мной Гострем этот вопрос не поднимал, ощущая, видимо, безнадёжность мероприятия. Костя и Лёнька перед Гостремом устояли, а вот Никитина ему удалось уговорить, в результате чего их "совместная" статья открыла сборник.

—С этого, пожалуй, шага Никитина наши отношения с ним (и мои, и Костины, и Лёнькины) стали быстро ухудшаться. Ещё совсем недавно, в конце прошлого, 1973 года мы с ним отправили в печать, в "Геомagnetизм и аэрономию" нашу совместную статью по эффектам электрических полей, сделанную по его инициативе и несколько выпадавшую из общего русла наших работ, поскольку Мише нужна была "своя" тема. Тогда он ориентировался на меня как на научного руководителя своей будущей диссертации. Теперь ориентация менялась, хотя Миша открыто в этом и не признавался, и оправдывался тем, что Гострем буквально заставил его включить себя в соавторы статьи. Статья же эта была написана Мишей по результатам его "собственной" модели, на 90 % сварганенной из кусков программ, разработанных всей нашей командой. Особенно недоволен этим был Лёня Захаров, и Никитин с трудом ублажил его, включив соавтором в одну из своих статей.

—Гострему же соавторство лишь в одной статье показалось недостаточным. Он решил срочно переделать весь сборник в юбилейный, посвящённый персонально ему, с фотографией перед титульным листом и биографической заметкой, повествующей о его заслугах. Заметку эту писала Галина Сергеевна Соколова. Но, к великому огорчению Гострема, номер не прошёл, хотя Гострем и заручился поддержкой Михал Михалыча Ермолаева, старейшего и добрейшего профессора, исполнявшего тогда обязанности проректора КГУ по научной работе. Не прошёл же фокус по такой причине: в издательском отделе справедливо рассудили, что неприлично выпускать сборник, посвящённый юбилею его ответственного редактора (а редакторство Гострема уже было официально утверждено и фигурировало в плане издательства), и упёрлись - нельзя, мол, не положено, и Гострем ничего поделать не смог.

—Зато под руководством самого юбиляра бурно проходила кампания по обеспечению поздравительных писем и телеграмм в адрес Гострема - готовились тексты для различных организаций, которые те должны были прислать в надлежащем оформлении за подписями своих руководителей; было организовано поздравление даже от соседнего

ортопедического предприятия (той самой протезной мастерской, которая раньше занимала кирху, а теперь расположилась рядом в специально построенном здании), но от солидных научных учреждений поздравлений практически не было, исключая ИЗМИРАН; откликнулись всё больше местные калининградские организации.

— В день юбилея в актовом зале второго корпуса КГУ состоялось торжественное чествование, после которого Гострем собрал в университетском дворе всех сотрудников ЛПФ, кафедры и обсерватории (последних специально привезли из Ладушкина), чтобы запечатлеть себя на фоне созданного им коллектива вкуче со всеми желающими сфотографироваться преподавателями и сотрудниками КГУ, затыгиваемыми в общую кучу, дабы коллектив выглядел ещё внушительнее.

— На вечер Гострем, как ни странно, пригласил меня и Костю Латышева к себе в гости. А кроме нас там оказались ещё только два профессора - старый Ермолаев и молодой Гречишкин: то ли Гострем решил, как обычно, сэкономить на неофициальной части юбилея и больше никого не приглашал, то ли никто больше к нему не захотел пойти, не знаю. Стол был по гостремовскому обыкновению аскетически скуден, так что не зря предусмотрительный Костя, зная Гострема, прихватил с собой маленькую, которую он втихаря раздавил в туалете, чтобы не помереть от скуки...

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)